

Насилу-то успокоила я разъяренное животное. Олег убежал из комнаты.

Я нашла его во дворе. Он сидел на лавочке, сжав голову руками и раскачиваясь, словно от боли. На его лице горел след от удара. По бледным щекам катились крупные слезы.

— Если бы не ты, мама, я разорвал бы ему горло, — сказал он чуть слышно. — О, я бы ему показал, проклятому!

Как могла, я старалась утешить сына. Прижала его к себе, приласкала. Целовала в лицо, в глаза:

— Пока их сила, Олег... Надо терпеть. Скоро возвратятся наши.

Олег резко поднял голову и посмотрел вокруг недобрым взглядом:

— Терпеть меня, мама, не учи! Жить под одной крышей с немцами я больше не могу! Пойду в партизаны, мстить буду за себя, за всех! А этому немцу я еще покажу!

К счастью, на второй день офицер, а с ним и его денщик выехали от нас.

К Л Я Т В А

Мы жили, как в большом концлагере. Не знали, что делается на фронте, в Москве, где наши войска.

В то, что писали продажные, организованные при помощи немцев газетки, о чем изо дня в день кричало немецкое радио, мы не верили. Немецкая пропаганда уверяла, что Ленинград уже в руках немцев, что Сталинград также не выдержал натиска немецких войск, что Красная Армия разбита. Олег только посмеивался:

— Врут! Живет Красная Армия! Я сердцем чую.

Немцы безжалостно грабили население, забирали хлеб и скот и вывозили в Германию. Огромные самолеты, наби-